

ЗНАЧИМЫЕ КОЛЛИЗИОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

© 2021 г. С. И. Крупко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: svetlana.krupko@gmail.com

Поступила в редакцию 26.03.2021 г.

Аннотация. В настоящей статье анализируются коллизионные интересы конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав и государства в целях установления наиболее тесной связи названного вида отношений с государством, право которого подлежит применению. С учетом направленности значимых коллизионных интересов, преимуществ и недостатков территориального и универсального подходов предложено теоретически обоснованное решение для формирования общей коллизионной нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав. В ходе проведенного исследования выявлено, что разнородность отношений интеллектуальных прав (их обязательственный и необязательственный, имущественный и личный неимущественный характер, иные различия в правовых свойствах) не порождает автоматически разнонаправленности значимых коллизионных интересов, подлежащих учету при установлении тесной связи названного вида отношений с государством для определения применимого права, не препятствует формированию общей коллизионной нормы для отношений интеллектуальных прав в целом и не свидетельствует однозначно в пользу специализации её привязки. Однако разнородность отношений интеллектуальных прав должна быть исследована и оценена на предмет целесообразности и пределов исключений из общего коллизионного правила и выработки специальных норм для разрешения отдельных частных отношений интеллектуальных прав.

Ключевые слова: коллизионное регулирование отношений интеллектуальных прав, коллизионные интересы, международное частное право, *lex loci protectionis*, *lex originis*, интеллектуальная собственность, проприетарные аспекты исключительных прав.

Цитирование: Крупко С.И. Значимые коллизионные интересы и их влияние на формирование коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав // Государство и право. 2021. № 10. С. 186–197.

DOI: 10.31857/S102694520017272-0

SIGNIFICANT CHOICE-OF-LAW INTERESTS AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF CHOICE-OF-LAW REGULATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

© 2021 S. I. Krupko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: svetlana.krupko@gmail.com

Received 26.03.2021

Abstract. This article analyzes the choice-of-law interests of specific and potential participants in the relations of intellectual property rights and the state in order to establish the closest connection of the above type of relation with the state, whose law should be applied. Taking into account the directionality of significant choice-of-law interests, advantages and disadvantages of territorial and universal approaches, a theoretically based solution is proposed for the formation of a general choice-of-law rule on the law to be applied to the relation of intellectual property rights. It was revealed in the study that the diversity of the relations of intellectual property rights (their obligatory and non-obligatory, property and personal non-property nature, other differences in legal features) does not automatically generate a multidirectionality of significant choice-of-law interests that should be taken into account when establishing a close connection of the above type of the relation with the state for determination of applicable law, does not prevent the formation of a general choice-of-law rule for the relations of intellectual property rights in general and does not unequivocally testify in favor of the specialization of its binding. However, the diversity of the relations of intellectual property rights should be examined and evaluated for the feasibility and limits of exceptions from the general choice-of-law rule and the development of special rules for resolving certain private of the relations of intellectual property rights.

Key words: choice-of-law regulation of intellectual property rights, choice-of-law interests, private international law, *lex loci protectionis*, *lex loci originis*, intellectual property, proprietary aspect of exclusive rights.

For citation: *Krupko, S.I. (2021). Significant choice-of-law interests and its impact on the formation of choice-of-law regulation in the field of intellectual property // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 186–197.*

Общее коллизионное начало, которое определяет фактическую сферу действия законов, регулирующих частноправовые отношения в области интеллектуальной собственности в пространстве, формируется посредством выявления того коллизионного фактора, который с учетом значимых, абстрактно-генерализованных, презюмируемых, типичных коллизионных интересов (эмпирически локализуемых потребностей лиц, затронутых правом) и ценностей отражает наиболее тесную связь отношений интеллектуальных прав с государством. Кроме того, привязка коллизионной нормы должна обеспечивать решение общей задачи коллизионного регулирования частных отношений, осложненных иностранным элементом, по формированию эффективного и справедливого статута правоотношений. Об эффективности и справедливости статута отношений свидетельствует, в частности, то, что коллизионная норма обеспечивает предвидимость применимого права, правовую определенность, гибкость, функциональность коллизионного регулирования, внешнюю и внутреннюю гармонию решений, создает препятствия для обхода закона и *forum shopping*, а применяемое на её основании право обеспечивает высокий уровень действительности, осуществимости и непрерывности частноправовых отношений, стабильность гражданского оборота, эффективную реализацию и защиту субъективных прав с учетом оправданных ожиданий конкретных и потенциальных участников таких отношений и общества в условиях международного общения.

Как было показано в предыдущей публикации¹, проприетарный аспект исключительных

прав является одним из наиболее значимых нормообразующих факторов в сфере коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав. Дуализм исключительного права, выражающийся в неразрывном единстве экономической функции и юридического содержания исключительного права, и первичность экономической функции исключительного права по отношению к его юридическому содержанию, играют определяющую роль при оценке значимых коллизионных интересов и взвешивании коллизионных ценностей применительно к отношениям интеллектуальных прав.

В данной статье в продолжение серии публикаций, посвященных теоретической основе коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, анализируются значимые коллизионные интересы конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав и государства в целях установления права того государства, с которым исследуемый вид отношений наиболее тесно связан. С учетом направленности значимых коллизионных интересов, а также преимуществ и недостатков территориального и универсального подходов автором предложено решение для формирования общей коллизионной нормы российского законодательства о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав.

Значимые коллизионные интересы и их направленность

РИД, как и само исключительное право, нематериален и не имеет фактического места

¹ См.: *Крупко С.И.* Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере

коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав // *Государство и право*. 2021. № 8. С. 110–119. DOI: 10.31857/S102694520016390-0

нахождения в пространстве. Невозможно извлечь выгоду от фактического владения РИД, а место нахождения исключительного права невозможно привязать к месту нахождения его объекта. В силу нематериальности РИД и территориальности исключительных прав имущественный интерес правообладателя субъективного исключительного права, направленный на извлечение выгоды, может быть удовлетворен только посредством реализации экономической функции исключительного права в пределах рынка того государства или нескольких государств, на который «исключительность» права оказывает экономическое воздействие, на котором она создает для правообладателя благоприятные условия для извлечения экономической выгоды от «монополии» на использование РИД. Как писал А. Троллер, одно из проявлений тесной связи *исключительных прав* с применимым правом выражается в том, что нематериальная ценность сама не является предметом противоречивых желаний, поскольку только её физически реализованная форма выступает как источник дохода; следовательно, от физического предмета мы приходим к его экономической функции как исходному пункту привязки².

Конкретные участники отношений интеллектуальных прав, в первую очередь создатели РИД и правообладатели исключительных прав, чьи коллизионные интересы имеют главное значение при формировании привязки общей коллизионной нормы о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав, заинтересованы в применении того права, которому они доверяют, в котором они «окультурены». Их коллизионный интерес мог бы быть удовлетворен за счет заключения соглашения о выборе права, однако законодатель традиционно ограничивает автономию воли сторон на выбор права, применимого к отношениям статичных отношений собственности (вещных прав, исключительных прав и т.д.), которые имеют высокую публичную составляющую, являются системообразующим элементом экономической системы, влияют на конкурентную среду на национальном и международном рынках, затрагивают гарантируемые фундаментальные права человека и интересы неограниченного круга лиц, обязанных по отношению к создателю РИД и правообладателю исключительного права.

В отсутствие соглашения о выборе права доверие конкретных участников отношений вызывает, как правило, право того государства, которое является их личным законом. Безусловно, отношения интеллектуальных прав в определенной степени связаны с личным законом автора

и правообладателя³. Однако конкретные участники отношений исключительных прав, для реализации правомочий которых, как правило, не требуется содействие или участие других лиц, заинтересованы прежде всего в применении права того государства, которое: 1) оправдывает их ожидания при осуществлении их воли в отношении субъективного исключительного права как формы собственности и РИД как объекта собственности; 2) обеспечит эффективную реализацию экономической функции исключительного права, её защиту и восстановление; 3) создаст необходимые условия для удовлетворения имущественных потребностей создателя и правообладателя РИД посредством присвоения экономической ценности РИД, извлечения его полезных свойств и получения выгоды от господства над ним в пределах рынка, территориальные границы которого корреспондируют с территориальной сферой фактического действия субъективного исключительного права, обеспечит непрерывность и действительность отношений исключительных прав.

Из вышеизложенного следует, что коллизионные интересы конкретных участников отношений интеллектуальных прав не зависят от их личного закона⁴, а направлены на применение права страны, в отношении которой испрашивается защита. Таким образом, начало верховенства над

³ Например, Хоффман полагал, что произведение является объективизацией автора, которому посредством применения *lex personalis* предоставляется та защита, которая была бы предоставлена автору тем правом, которому подчиняется создатель, а *lex soli*, определяющее гражданство (государственную принадлежность) физического лица, неразрывно примыкает к производству, и распространяется в определенной степени на пределы государства происхождения на другие территории (цит. по: Troller A. Op. cit. S. 56). В законодательстве отдельных государств встречаются коллизионные нормы, предписывающие применение личного закона автора к отношениям интеллектуальных прав на неопубликованные объекты авторского права. Так, ст. 67 (1) Закона Греции об авторском праве, смежных правах и культурных ценностях предусматривает применение к интеллектуальным правам на необнародованные объекты авторского права страны, гражданином которого является автор, ст. 2609 (2) ГК Республики Молдова 2002 г. (в ред. 2019 г.) — национального закона автора, ст. 2632 (2) ГК Румынии 2011 г. и ст. 48 (1) ГК Португалии — личного закона автора.

⁴ Как подчеркивал А. Троллер, право государства, гражданином которого является автор, или право государства, где автор проживает, не оказывает влияния на интеллектуальные права на произведение, поскольку процесс его создания не затрагивает отношения автора с его окружающим миром; только завершённый нематериальный объект как объект правомочий создает связь между создателем и другими лицами; в наследственных, семейных и личных неимущественных правах сохраняются публичные и гражданско-правовые связи субъекта с его родным обществом, а интеллектуальная деятельность находится в равном отношении со всеми государствами. Подробнее об отрицании тесной связи управомоченных с их государством в отношениях интеллектуальных прав см.: Troller A. Op. cit. S. 55, 56, 61, 62, 67, 68.

² См.: Troller A. Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 68.

субъектом играет второстепенную роль при формировании коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав.

Круг потенциальных участников отношений интеллектуальных прав широк и охватывает прежде всего бенефициаров свободной конкуренции на национальном (региональном) рынке, территориальная сфера которого корреспондирует с территориальной сферой фактического действия субъективного исключительного права, а именно потребителей товаров и услуг, реализуемых на национальном (региональном) рынке, и хозяйствующих субъектов, осуществляющих на этом рынке деятельность. Отношения собственности и конкуренция составляют сущностную основу рыночных отношений, а исключительные права как разновидность отношений собственности оказывают прямое воздействие на функциональность национального (регионального) рынка.

Коллизионные интересы потенциальных участников отношений исключительных прав прежде всего направлены на применение права того государства, которое: 1) удовлетворит их интерес быть информированными об имущественном режиме исключительного права, включая информацию о пределах свободного использования РИД, основаниях и порядке выдачи принудительных лицензий, условиях исчерпания исключительных прав, иных ограничениях исключительных прав и свободной конкуренции, для руководства в вопросах использования РИД и избежания нарушений исключительного права и привлечения к ответственности за такое нарушение, которая нередко применяется на безвизовом основании; 2) оправдывает их ожидания относительно пределов дозволенного и должного поведения, вытекающих из имущественного режима субъективного исключительного права⁵; 3) обеспечит стабильность гражданского оборота, непрерывность и эффективную реализацию универсальных предшествующих и последующих частноправовых отношений, неразрывно связанных с отношениями интеллектуальных прав, включая договорные гражданско-правовые и трудовые отношения по созданию РИД, а также частноправовые отношения по распоряжению исключительным правом (в т.ч. в рамках наследственных, имущественных семейных отношений, объектом которых являются исключительные

права); 4) обеспечит согласованность отношений интеллектуальных прав с внедоговорными обязательствами отношениями, возникающими вследствие нарушения исключительного права.

Коллизионные интересы потенциальных участников отношений интеллектуальных прав так же, как и коллизионные интересы конкретных участников отношений интеллектуальных прав, не зависят от их личного закона и направлены на применение права страны, в отношении которой испрашивается защита.

Коллизионные интересы государства направлены на применение на своей территории своего права интеллектуальной собственности, чтобы по своему усмотрению, исходя из своих политических целей и задач: 1) осуществлять на своей территории контроль за интеллектуальной собственностью, её использованием, обеспечивая с помощью мер государственного принуждения эффективную реализацию исключительного права, его защиту и восстановление; 2) поддерживать на своем национальном рынке свободную конкуренцию с помощью стимулирующих и запретительных мер, ограничивать свободную конкуренцию посредством предоставления «монополии» на использование РИД, вытекающей из национального исключительного права, действующего в пределах территории данного государства. Кроме того, государство заинтересовано в применении своего права интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить информированность неограниченного круга обязанных и заинтересованных лиц о действующем на его территории имущественном режиме интеллектуальной собственности и ограничениях свободной конкуренции и, как следствие — стабильность гражданского оборота, правовую определенность, эффективное функционирование правовой системы и свободного рынка, исполнимость судебных решений по спорам о защите национальных интеллектуальных прав.

Как следует из вышеизложенного, значимые, типизированные, абстрактно-генерализованные коллизионные интересы конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав, общества и государства пересекаются преимущественно на территории государства, где имеет место реализация экономической функции субъективного исключительного права, где исключительное право (нематериальная ценность, в отношении которой предъявлены требования) может быть восстановлено должным образом или принудительно осуществлено⁶. Данные обстоя-

⁵ А. Троллер обращал внимание на то, что центр тяжести отношений интеллектуальной собственности, согласно их действительной функциональной связи выражается в том, что запретительные нормы права интеллектуальной собственности действуют как по отношению к жителям страны, так и по отношению к проживающим за рубежом, если они действуют против объектов интеллектуальных прав сами или через третьих лиц (см.: *Troller A. Op. cit. S. 62, 63*).

⁶ Хотя известно и иное мнение, например, Буркхардт в качестве одного из проявлений тесной связи субъективного права с применимым правом рассматривал юрисдикцию

тельства снижают значимость начала верховенства над субъектом при формировании коллизии нормы о праве, подлежащем применению к интеллектуальным правам. Общая коллизийная норма о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, больше тяготеет к началу верховенства над территорией.

В силу территориальности исключительное право не обладает какой-либо экономической ценностью на «чужой» территории, «чужом» рынке. У государства отсутствуют основания и мотивы для расширения сферы действия своего права на иностранные интеллектуальные права. Вышеизложенное свидетельствует о наиболее тесной связи отношений исключительных прав и отношений интеллектуальных прав в целом с правом страны, в отношении которого испрашивается защита.

Однако «нематериальная» природа РИД, их повсеместность, декларирование *lex protectionis* как универсально признанного коллизийного принципа в сфере интеллектуальной собственности, а также материальная территориальность и независимость интеллектуальных прав, предоставляемый иностранным авторам и правообладателям национальный режим не приводят автоматически к императивному применению коллизийной привязки *lex protectionis* ко всем вопросам частноправовых отношений в сфере интеллектуальной собственности, особенно в отношении нерегистрируемых РИД⁷. Бесспорная императивность применения коллизийной привязки может следовать только из самой коллизийной нормы. Как верно отмечает Г. Динвуди, ряд правил международного частного права отражают территориальный принцип без какой-либо поддержки; специалисты в области коллизийного регулирования давно знают, что территориальность не ограничивает эффективное развитие

государственных судов на осуществление судебной защиты такого права (цит. по: *Troller A.* Op. cit. S. 51). А. Троллер критиковал это мнение, ссылаясь на то, что вопрос о том, где существует право как ценность, не зависит от решения вопроса о том, где существует право как правовое требование (*Rechtsbefehl*) (см.: *ibid.* S. 52).

На необходимость учитывать концепцию восстановления и осуществления прав интеллектуальной собственности обращают внимание также иностранные ученые (см., напр.: *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 698. Ziff. 13.20; *Dicey A.V.* Dicey and Morris on the conflict of laws. London, 2012. 2–15. ed. P. 1116, 1117; *Wengler W.* Internationales Privatrecht. Berlin, New York, 1981. S. 262).

⁷ На данный аспект обращают внимание, например, иностранные коллизийнисты: *Jeger G., Vasella D.* in: 1: Internationales Privatrecht/Hrsg. Heinrich Honsell (Basler Kommentar). 3. Aufl. Basel, 2013. S. 926, 929; *Neuhaus P.H.* Die Grundbegriffe des internationalen Privatrechts. Tübingen, 1976. S. 179; Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. Oxford, 2013. P. 315.

международного частного права; в действительности, принцип территориальности принуждает к международному частному праву интеллектуальной собственности⁸.

Определенные обстоятельства могут свидетельствовать в пользу подчинения отдельных частных вопросов отношений интеллектуальных прав праву страны иной, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита. Особого внимания универсальный подход заслуживает при разрешении вопроса о праве, применимом к установлению первоначального правообладателя на РИД, созданный по договору, о праве, применимом к отношениям совместного обладания исключительным правом, и о праве, применимом к отношениям между работником и работодателем, возникающим по поводу РИД, созданного работником.

Lex loci protectionis v lex originis

Территориальный подход к коллизийному регулированию отношений интеллектуальных прав, основанный на применении коллизийного принципа *lex loci protectionis*, сохраняют преобладающее значение в международном частном праве. В российском праве данный принцип отражен в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»⁹ и в отдельных нормах международных договоров Российской Федерации. На основе территориального подхода сформулированы национальные коллизийные нормы законодательства Австрии, Албании, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Королевства Испания, Италии, Казахстана, Кыргызстана, КНР, Литвы, Молдовы, Польши, Румынии, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины, Черногории, Швейцарии, Чехии, Эстонии, Южной Кореи, общие коллизийные нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав АЛИ-принципов¹⁰, КЛИП-принципов¹¹, Корейско-японских

⁸ См.: *Graeme B. Dinwoodie*, Developing a Private International Intellectual Property Law: The Demise of Territoriality? 51 Wm. & Mary L. Rev. 711 (2009). P. 735, 766. URL: <http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol51/iss2/12>. В исследуемом аспекте продолжает оставаться актуальным и высказывание Нойхауза середины 1970-х годов о том, что принцип территориальности используется как ударное слово там, где отсутствует ясное обоснование для выбранной привязки (см.: *Neuhaus P.H.* Op. cit. S. 179).

⁹ См.: Росс. газ. 2019. 17 июля.

¹⁰ См.: Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn., 2008.

¹¹ См.: Principles for Conflict of Law in Intellectual Property, developed by the CLIP Group funded by the Max Planck Society, Final Text, 1 December, 2011. URL: http://www.cl-ip.eu/_www/en/pub/home.html (дата обращения: 30.09.2021).

принципов¹², ТРАНСПАРЕНСИ-принципов¹³, Киотского Руководства¹⁴, Модельного закона об интеллектуальной собственности¹⁵.

Применение территориального подхода обосновывается нередко тем, что *lex protectionis* является общепризнанным принципом коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, наилучшим образом обслуживает дух и цели фундаментальных принципов территориальности интеллектуальных прав и национального режима¹⁶. В п/п. 26 преамбулы Регламента Рим-II *lex loci protectionis* обозначен как универсально признанный принцип в целях коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности (“the universally acknowledged principle of the *lex loci protectionis*”). Однако иностранные юристы неоднократно критиковали данное положение, подчеркивая, что *lex loci protectionis* не является императивным коллизионным правилом в сфере интеллектуальной собственности.

Сторонники территориального подхода к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав ссылаются на то, что коллизионный принцип *lex protectionis* закреплён в международных договорах и в силу этого должен рассматриваться как императивное правило, а также на коллизионный характер норм международных договоров о предоставлении национального режима. Особенно сильную поддержку данная позиция получила в сфере коллизионного регулирования объектов авторского права и смежных с ними прав, что обусловлено давней дискуссией о правовом характере нормы ст. 5(2) Бернской

конвенции. Однако, как верно подчеркивает Й. Дрексл, вопрос о том, предполагает ли предусматривает международный договор применение *lex loci protectionis*, остаётся дискуссионным¹⁷. На взгляд автора, квалификация нормы о предоставлении национального режима как коллизионной противоречит её природе и целям как инструмента международного публичного права.

Одним из распространенных аргументов в поддержку тесной связи отношений интеллектуальных прав на регистрируемые (депонированные) РИД с правом страны, в отношении которой испрашивается защита, является то, что исключительное право на такой РИД возникает из акта государственной регистрации (депонирования), который имеет юридическую силу только на территории соответствующего государства и не может быть признан за рубежом¹⁸, а требование государственной регистрации (депонирования) как основание возникновения субъективного исключительного права выражает особый публично-правовой интерес регистрирующего государства и подтверждает публично-правовую природу отношений интеллектуальных прав на регистрируемые РИД. Однако, по мнению автора, регистрируемость (депонированность) РИД может рассматриваться только как дополнительный, а не основной и единственный аргумент в пользу применения права страны, в отношении которой испрашивается защита. Кроме того, регистрируемость (депонированность) РИД не оправдывает императивность применения права страны, в отношении которой испрашивается защита, к отношениям интеллектуальных прав на регистрируемые (депонированные) РИД.

Государственная регистрация, как справедливо отметил Конституционный Суд РФ, не затрагивает самого содержания гражданского права и не ограничивает свободу договоров, юридическое равенство, автономию воли и имущественную

¹² См.: Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights in: Commentary on Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights, 14 October 2010. URL: <http://www.win-cls.sakura.ne.jp/pdf/28/08.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

¹³ См.: Transparency Proposal on Jurisdiction, Choice of Law, Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Intellectual Property (October, 2009). URL: <http://www.tomeika.jur.kyushu-u.ac.jp/ip/pdf/Transparency%20RULES%20%202009%20Nov1.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

¹⁴ См.: Guidelines on Intellectual Property and Private International Law (“Kyoto Guidelines”). URL: <https://www.ila-hq.org/index.php/committees> (дата обращения: 30.09.2021). 13 декабря 2020 г. данный документ — Киотское Руководство по интеллектуальной собственности и международному частному праву, разработанное комитетом «Интеллектуальная собственность и международное частное право» Ассоциации международного права, был утвержден на 79-й ежегодной конференции названной ассоциации. Ранее в юридической литературе данный документ именовался «ИЛА-принципы».

¹⁵ См.: Ahrens H.-J., McGuire M.-R. Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. Sellier european law publishers GmbH, München, 2012. § 21–32. S. 74–112.

¹⁶ См., напр.: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. P. 301.

¹⁷ См.: Drexel J. Teil 8 Internationales Immaterialgüterrecht in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: BGB. Band 12: Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 7. Aufl. C.H. Beck. 2018. Rn. 231. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 30.01.2019); см. также: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. P. 301, 305; Ulmer E. Die Immaterialgüterrechte im internationalen Privatrecht. Köln, 1975. S. 497.

¹⁸ В иностранной доктрине Батиффоль высказывал мнение о том, что принцип территориальности для патентного права следует из государственного концессионного акта, а остальные интеллектуальные права тяжело центрируемы, потому что из-за духовной природы объекта они не требуют места в пространстве. Однако А. Троллер справедливо ему возражал, что выдача патента есть следствие, а не причина (см.: Troller A. Op. cit. S. 62, 63).

самостоятельность сторон (*Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 154-О*); правовая природа отношений зависит от специфики правоотношений, состава участвующих в споре лиц, природы объекта имущественного правоотношения (п. 4 Постановления Конституционного Суда от 26.05.2011 г. № 10-П). Несмотря на то что упомянутые судебные акты приняты по спорам в отношении недвижимого имущества, позиции Конституционного Суда РФ о соотношении государственной регистрации и правовой природы отношений в полной мере применимы и к отношениям, связанным с интеллектуальными правами на регистрируемые (депонируемые) РИД. С учетом изложенного автор считает, что требование совершения юридико-технических действий (регистрации, депонирования) как предпосылка возникновения исключительного права на регистрируемые (депонируемые) РИД не имеет абсолютного (императивного) значения при установлении тесной связи отношений интеллектуальных прав на регистрируемый (депонируемый) РИД с применимым правом. Однако оно свидетельствует о повышенной публичной составляющей частноправовых отношений интеллектуальных прав на регистрируемые (депонируемые) РИД и особом интересе государства к контролю за такими исключительными правами, что надлежит учитывать и оценивать в качестве дополнительного аргумента в совокупности с другими, более значимыми основными факторами при выявлении наиболее тесной связи отношений интеллектуальных прав с применимым правом.

Государственная регистрация (депонирование) РИД не меняет его частноправовую природу как объекта гражданского права и гражданско-правовой характер отношений интеллектуальных прав, а также обязательственных отношений, возникающих по поводу распоряжения исключительным правом на регистрируемый (депонируемый) РИД или вследствие нарушения интеллектуальных прав на такой РИД, не затрагивает юридическое равенство участников таких отношений, автономию их воли, имущественную самостоятельность. Прежде всего юридико-технические действия по регистрации и депонированию РИД являются следствием проявления воли правообладателя в отношении потенциального места использования РИД (места реализации экономической функции исключительного права на РИД). Подавая заявку на регистрацию (депонирование), правообладатель осуществляет своё субъективное частное интеллектуальное право, так же как и первое опубликование произведения и исполнение объекта смежных прав являются результатом осуществления правообладателем принадлежащего ему субъективного частного

права и выражают его волю в отношении места использования РИД. С учетом изложенного регистрируемость (депонируемость) РИД не исключает локализацию отношений интеллектуальных прав на такие РИД или частных вопросов таких отношений в государстве ином, чем государство, в котором РИД зарегистрирован.

Универсальный подход к коллизионному регулированию в сфере интеллектуальной собственности нашел отражение в законодательстве Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Греции, Молдовы, Португалии, Румынии, Турции, Хорватии, Черногории, проекте закона Сербии о международном частном праве, а также в негосударственных регуляторах — АЛИ-принципах, Корейско-японских принципах, Киотском Руководстве. Коллизионные нормы, содержащиеся в национальном законодательстве вышеназванных государств и основанные на универсальном подходе, имеют разные объемы и привязки. Большинство общих коллизионных норм, основанных на универсальном подходе, предназначены для определения права, применимого к отношениям интеллектуальных прав на нерегистрируемые РИД или объекты авторского и смежных с ними прав¹⁹. Однако норма ГК Португалии подчиняет отношения интеллектуальных прав на объекты промышленной собственности праву страны создания объекта промышленной собственности (ст. 48 (2) ГК Португалии). На основе универсального подхода также формируются коллизионные нормы о праве, применимом к отдельным частным вопросам отношений интеллектуальных прав, как, например, норма п. 3 ст. 1256 ГК РФ о праве, применимом для установления автора произведения, охраняемого

¹⁹ Например, согласно ст. 2609 (1) ГК Республики Молдова 2002 г. (в ред. 2019 г.) к интеллектуальным правам на объекты авторского права применяется право страны, на территории которой произведение впервые доведено до сведения общественности путем выставления, распространения, опубликования, представления или любым другим способом. Нормы ст. 48 (1) ГК Португалии, ст. 67 (1) Закона Греции об авторском праве, смежных правах и культурных ценностях, ст. 2632 (1) ГК Румынии 2011 г. предписывают применять к интеллектуальным правам на обнародованные объекты авторского права право страны, на территории которой произведение впервые опубликовано. Статья 67 (2) Закона Греции об авторских и смежных правах и культурных делах подчиняет смежные с авторскими права праву страны, в которой осуществлено исполнение объекта смежных прав, или произведена звуковая, или визуальная, или звуковая и визуальная запись исполнения, или в которой передавалась радио- или телепередача, или в которой печатная публикация получила эффект. Известно также подчинение отношений интеллектуальных прав на необнародованные объекты авторского права праву страны, гражданином которого является автор, как это установлено ст. 67 (1) Закона Греции об авторском праве, смежных правах и культурных ценностях, или личному закону автора (см., например, ст. 2609 (2) ГК Республики Молдова 2002 г. (в ред. 2019 г.), ст. 2632 (2) ГК Румынии 2011 г., ст. 48 (1) ГК Португалии).

на территории Российской Федерации на основании международного договора, и первоначального правообладателя.

Сторонники универсального подхода полагают, что «применение права одной страны к параллельным, разнотерриториальным интеллектуальным правам на один и тот же идеальный объект способствует беспрепятственной международной торговле в сфере интеллектуальной собственности, правовой определенности и предвидимости. Они ссылаются также на то, что применение универсального подхода при коллизионном регулировании отношений интеллектуальных прав на объекты авторского права способствует достижению целей Бернской конвенции поддерживать международное распространение произведений.

Идея подчинить праву одного государства все субъективные разнотерриториальные параллельные интеллектуальные права на один и тот же идеальный объект, охраняемый в качестве РИД на территории разных государств, на первый взгляд практична и удобна. Однако осуществимость данной идеи и её преимущества перед территориальным подходом не столь очевидны.

Во-первых, применение универсального подхода к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав и определение статуса отношений интеллектуальных прав на основании коллизионного принципа *lex originis* и его модификаций приводит к фрагментации материального регулирования отношений интеллектуальных прав внутри одного национального правового порядка. Так как место создания, место опубликования РИД одного вида, личные законы создателей РИД одного вида, охраняемых в пределах одного и того же государства, не совпадают, то отношения интеллектуальных прав на охраняемые в пределах территории одного государства РИД одного вида, например, на объекты авторского права, в случае применения универсального подхода к их коллизионному регулированию будут подчинены праву разных государств. В результате, содержание субъективных отношений интеллектуальных прав, субъективных прав и обязанностей авторов, правообладателей и, как следствие, неограниченного круга обязанных лиц будут существенно различаться в пределах территории одного государства. При таких обстоятельствах возникает практическое неудобство из-за правовой неопределенности. Представляется чрезмерным требовать от неограниченного круга обязанных лиц определять свои обязанности по отношению к правообладателям исключительного права на РИД, охраняемые в пределах территории одного государства, на основании

права государства, где имело место создание или первое опубликование РИД или на основании личного закона конкретного автора. Во-первых, информация о происхождении РИД не находится в открытом, публичном доступе. Во-вторых, определение места происхождения РИД требует специальных юридических знаний, которыми большинство обязанных лиц, противопоставляемых правообладателю исключительного права, не обладает. В-третьих, учитывая количество РИД, используемых одним субъектом, а также то, что место происхождения РИД, охраняемых в пределах одного государства, различается, представляется крайне затруднительным определять содержание названного локализирующего фактора и правового режима охраны в отношении каждого РИД. Более того, если право одного государства, подлежащее применению к отношениям интеллектуальных прав на конкретный РИД на основании отсылки к месту происхождения РИД, предоставляет более низкий уровень правовой охраны, чем право какого-либо другого государства, являющегося местом происхождения другого РИД такого же вида, охраняемого в пределах того же государства, что и первый РИД, то правообладатель первого РИД может воспользоваться режимом наибольшего благоприятствования, предоставленного нормами отдельных международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, например, ст. 4 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)²⁰, что снижает предсказуемость содержания режима правовой охраны РИД и стабильность гражданского оборота.

Из вышеизложенного следует, что универсальный подход к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав не гарантирует применение права одной страны к субъективным разнотерриториальным, параллельным интеллектуальным правам на один и тот же идеальный объект даже в пределах одного национального правового порядка;

Во-вторых, применение к недвижимым, относительно территориальным отношениям интеллектуальных прав права иного, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита, может привести к нарушению баланса частных и публичных интересов, сформированного национальным позитивным правом страны, в отношении которой испрашивается защита, что негативно сказывается на международном экономическом общении.

²⁰ Заключено в г. Марракеше 15.04.1994 г. (с изм. от 06.12.2005 г.).

Личные неимущественные интеллектуальные права создателя РИД (право называться автором, изобретателем и т.д., право на неприкосновенность произведения и т.д.) характеризуются как фундаментальные естественные права человека. Кроме того, лицо, творческим трудом которого создан РИД, рассматривается как слабая сторона. Данные обстоятельства свидетельствуют о высокой публичной составляющей в отношениях интеллектуальных прав. Императивными нормами права многих государств установлена непередаваемость личных неимущественных интеллектуальных прав, запрет или ограничения на передачу отдельных имущественных правомочий, например, запрет обращения взыскания на принадлежащее автору имущественное интеллектуальное право, наследование соавторами части имущественного интеллектуального права после смерти другого соавтора и в отсутствие наследников по закону и завещанию и т.д.). Такие запреты и ограничения передаваемости интеллектуальных прав вводятся в интересах создателя РИД как более слабой стороны и как субъекта, имеющего особую связь с результатом творчества.

Кроме того, ограничения передаваемости интеллектуальных прав вводятся и в интересах общества в целях защиты прав потребителей и конкурентной среды на рынке (например, в ряде государств передача товарного знака разрешена только вместе с предприятием).

Такие запреты и ограничения, установленные императивными нормами права интеллектуальной собственности государства, в отношении которого испрашивается защита, нередко оцениваются судами этого государства как элемент публичного порядка. В этой связи императивные нормы, защищающие создателя РИД как слабую сторону (например, право автора на возврат исключительного права, нормы о взаимоотношениях автора-работника и работодателя касательно служебных объектов, право автора на вознаграждение за публичное исполнение РИД), могут квалифицироваться судами как нормы непосредственного применения, исключающие применение норм иностранного права, которые должны были бы применяться в силу коллизионных норм. Иностранному праву не всегда известны отдельные правомочия, известные праву страны, в отношении которой испрашивается защита, или наоборот, иностранному праву могут быть известны такие правомочия, которые не известны праву страны, в отношении которой испрашивается защита. Подчинение отношений интеллектуальных прав праву страны иной, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита, в первом случае повлечет сужение прав автора / правообладателя и, как следствие,

сужение обязанностей неограниченного круга лиц, а во втором случае — расширение прав автора / правообладателя и расширение обязанностей неограниченного круга лиц²¹. Кроме того, следует учитывать, что нарушение исключительного права представляет собой негативную концепцию исключительного права. Подчинение отношений интеллектуальных прав, включая содержание и ограничения исключительного права, условия свободного использования РИД, праву страны иной, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита, а деликтных отношений вследствие нарушения исключительного права праву страны, в отношении которой испрашивается защита, создает риск несогласованности названных видов системно взаимосвязанных отношений, а именно несогласованности состава и нарушения исключительного права, с одной стороны, и деликтной ответственности за нарушение исключительного права — с другой.

Таким образом, высока вероятность противоречия последствий применения норм иностранного права интеллектуальной собственности, подлежащего применению в силу «универсальной» коллизионной привязки, публичному порядку и нормам непосредственного применения страны, в отношении которой испрашивается защита интеллектуального права.

В-третьих, коллизионное регулирование отношений интеллектуальных прав на основе универсального подхода усложняет правоприменение вследствие сигнификативной и квантитативной вариативностей содержания коллизионного фактора и его темпоральной и волюнтаривной обусловленности в конкретном случае, а также вследствие того, что для установления содержания коллизионного фактора в конкретном случае необходимо предварительно дать правовую оценку обстоятельствам на основании права, которое еще не определено. Привязки, основанные на универсальном подходе, не обеспечивают требуемой для

²¹ На данное обстоятельство обращают внимание иностранные авторы. В частности, по мнению Г. Остина, применение универсального подхода затруднительно, если материальное право интеллектуальной собственности определенной страны включает уникальные признаки или характеристики, как, например, право на возврат ранее переданного права (right to reclaim), или когда распределение интеллектуальных прав между работником и работодателем отражает политику государства, или если передача интеллектуального права нарушает императивное правило в одной из стран, для которой и осуществляется такая передача. Г. Остин приводит в качестве примера дело *Huston v Law Cinq* Judgement of May 28 1991, Cass Civ 1re, 1991 JCP.II.21731 (см.: *Austin G. Private International Law on Intellectual Property: A Common Law Overview*. WIPO/PIL/01/5. P. 16. Ziff. 42. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_pil_01/wipo_pil_01_5.pdf (дата обращения: 05.02.2021)).

отношений интеллектуальной собственности высокой степени предвидимости и стабильности статуса отношений интеллектуальных прав, не обеспечивают внутреннюю и внешнюю гармонию решений, не обеспечивают формирование справедливого и эффективного коллизионного статута.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что веские аргументы в пользу наиболее тесной связи отношений интеллектуальных прав в целом, в т.ч. всех вопросов отношений интеллектуальных прав на объекты авторского права и смежных с ними прав, с правом страны места происхождения РИД (правом места создания РИД, места обнародования РИД, личным законом автора или правообладателя и иными модификациями *lex originis*) и в пользу формирования **общего** коллизионного правила о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав, на основании универсального подхода (коллизионного принципа *lex originis*) отсутствуют, на что обращают внимание и иностранные авторы²². Кроме того, универсальный подход к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав: 1) не учитывает в должной мере направленность коллизионных интересов конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав, коллизионных интересов государства; 2) усложняет правоприменение ввиду необходимости предварительной оценки обстоятельств для установления содержания коллизионного фактора в конкретном случае, сигнификативной, темпоральной, квантитативной вариативностей содержания коллизионного фактора и его волюнтаривной обусловленности в конкретном случае; 3) не обеспечивает требуемой для отношений интеллектуальной собственности высокой степени предвидимости применимого права и стабильности статута отношений интеллектуальных прав; 4) не обеспечивает внутреннюю и внешнюю гармонию решений; 5) не обеспечивает формирование справедливого и эффективного коллизионного статута.

По мнению автора, универсальный подход допустимо и целесообразно применять только при разрешении отдельных частных вопросов отношений интеллектуальных прав (например, при определении права, применимого при установлении первоначального правообладателя интеллектуальных прав, к отношениям между работодателем и работником, возникающим в связи

с созданием служебного РИД, к отношениям между сообладателями исключительного права, но не формировать на его основе общую норму о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав, в том числе о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав на объекты авторского права и смежных с ними прав). Однако данные вопросы требуют специального подробного разъяснения, что в силу ограниченного объема настоящей статьи, не представляется возможным.

* * *

Обобщая вышеизложенное, автор считает, что дуализм исключительного права, выражающийся в неразрывном единстве экономической функции и юридического содержания исключительного права, и первичность экономической функции исключительного права по отношению к его юридическому содержанию, являются определяющими при оценке значимости и направленности абстрактно-генерализованных, презюмируемых, типичных коллизионных интересов конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав и государства (эмпирически локализуемых потребностей лиц, затронутых правом) и взвешивании коллизионных ценностей применительно к отношениям интеллектуальных прав.

Разнородность отношений интеллектуальных прав (их обязательственный и необязательственный, имущественный и личный неимущественный характер иные различия в правовых свойствах интеллектуальных прав) не препятствует формированию общей коллизионной нормы для отношений интеллектуальных прав в целом и не порождает автоматически разнонаправленности коллизионных интересов и не свидетельствует однозначно в пользу диверсификации объема и специализации привязки коллизионной нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав. Однако разнородность отношений интеллектуальных прав должна быть исследована и оценена на предмет целесообразности и пределов исключений из общего коллизионного правила и выработки специальных норм для разрешения отдельных частных коллизионных вопросов отношений интеллектуальных прав.

С учетом того, что отношения интеллектуальных прав преимущественно статичны, затрагивают интересы неограниченного круга лиц, чувствительны для отдельных элементов публичного порядка, их системообразующий элемент — исключительные права, как правило, имеют абсолютную правовую природу, на взгляд автора, коллизионная привязка

²² Так, по мнению А. Биркманн, привязка к месту создания произведения не отражает достаточной правовой связи правопорядка с автором, с процессом создания произведения, вследствие чего не гарантирует справедливого результата (см.: *Birkmann A. Die Anknüpfung der originären Inhaberschaft am Urheberrecht. Baden-Baden; Bern, 2009. S. 46; см. также по данному вопросу: Troller A. Op. cit. S. 52, 56, 61, 62, 67, 68).*

общей коллизионной нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, сформированная на основании территориального подхода (коллизионного принципа *lex loci protectionis*), должна быть жесткой, однозначной, фактической, императивной, безусловной, объектной, исполнимой, способствовать справедливому результату, правовой предвидимости, внутренней и внешней гармонии решений и препятствовать обходу закона и *forum shopping*. Из всех вариантов «территориальных» коллизионных привязок²³ предпочтение следует отдать привязке, отсылающей к праву страны, в отношении которой испрашивается защита. Она проста для применения, не требует разрешения предварительных материальных и коллизионных вопросов, правовой оценки обстоятельств при толковании отдельных юридических терминов, выражающих коллизионную привязку. Значение коллизионного фактора «страна, в отношении которой испрашивается защита» устойчиво в сигнификативном, темпоральном, квантитативном и волюнтативном аспектах и легко устанавливаемо на всех стадиях существования правоотношений интеллектуальных прав (в т.ч. до подачи заявки, до момента регистрации и депонирования РИД, до обнародования РИД), не зависит от места совершения действий по использованию РИД, вида РИД, характера и правовых свойств интеллектуального права, его пространственной сферы действия, от судебного и внесудебного порядка применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крупко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе *lex loci protectionis*: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 5. С. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko
2. Крупко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе, в сфере интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 6. С. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupko
3. Крупко С.И. Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав // Государство и право. 2021. № 8. С. 110–119. DOI: 10.31857/S102694520016390-0
4. Ahrens H.-J., McGuire M.-R. Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. Sellier european law publishers GmbH, München, 2012. § 21–32. S. 74–112.
5. Austin G. Private International Law on Intellectual Property: A Common Law Overview. WIPO/PIL/01/5. P. 16. Ziff. 42. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_pil_01/wipo_pil_01_5.pdf (дата обращения: 05.02.2021).
6. Birkmann A. Die Anknüpfung der originären Inhaberschaft am Urheberrecht. Baden-Baden; Bern, 2009. S. 46.
7. Dicey A.V. Dicey and Morris on the conflict of laws. London, 2012. 2–15. ed. P. 1116, 1117.
8. Drexel J. Teil 8 Internationales Immaterialgüterrecht in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: BGB. Band 12: Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 7. Aufl. C.H. Beck. 2018. Rn. 231. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 30.01.2019).
9. Fawcett J.J. Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 698. Ziff. 13.20.
10. Graeme B. Dinwoodie, Developing a Private International Intellectual Property Law: The Demise of Territoriality? 51 Wm. & Mary L. Rev. 711 (2009). P. 735, 766. URL: <http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol51/iss2/12>.
11. Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn., 2008.
12. Jeger G., Vasella D. in: 1: Internationales Privatrecht/Hrsg. Heinrich Honsell (Basler Kommentar). 3. Aufl. Basel, 2013. S. 926, 929.
13. Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. Oxford, 2013. P. 301, 305, 315.
14. Neuhaus P.H. Die Grundbegriffe des internationalen Privatrechts. Tübingen, 1976. S. 179.
15. Troller A. Das internationale Privat- und Zivilprozessrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 51–52, 55, 56, 61–63, 67, 68.
16. Ulmer E. Die Immaterialgüterrechte im internationalen Privatrecht. Köln, 1975. S. 497.
17. Wengler W. Internationales Privatrecht. Berlin, New York, 1981. S. 262.

²³ Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на территориальном и универсальном подходах, их преимущества и недостатки проанализированы в предыдущих работах. Подробнее см.: Крупко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе *lex loci protectionis*: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 5. С. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko; Её же. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе, в сфере интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 6. С. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupko

REFERENCES

1. *Krupko S.I.* Modifications and interpretation of conflict factors based on the conflict principle *lex loci protectionis*: comparative legal analysis // Proceedings of the ISL of the RAS. 2020. No. 5. P. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko (in Russ.).
2. *Krupko S.I.* Modifications and interpretation of conflict factors based on a universal approach in the field of intellectual property: comparative legal analysis // Proceedings of the ISL of the RAS. 2020. No. 6. P. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupkovo (in Russ.).
3. *Krupko S.I.* Proprietary aspect of exclusive rights as a norm-forming factor in the sphere of conflict-of-laws regulation of intellectual property rights relations // State and Law. 2021. No. 8. P. 110–119. DOI: 10.31857/S102694520016390-0 (in Russ.).
4. *Ahrens H.-J., McGuire M.-R.* Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. Sellier european law publishers GmbH, München, 2012. § 21–32. S. 74–112.
5. *Austin G.* Private International Law on Intellectual Property: A Common Law Overview. WIPO/PIL/01/5. P. 16. Ziff. 42. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_pil_01/wipo_pil_01_5.pdf (accessed: 05.02.2021).
6. *Birkmann A.* Die Anknüpfung der originären Inhaberschaft am Urheberrecht. Baden-Baden; Bern, 2009. S. 46.
7. *Dicey A.V.* Dicey and Morris on the conflict of laws. London, 2012. 2–15. ed. P. 1116, 1117.
8. *Drexel J.* Teil 8 Internationales Immaterialgüterrecht in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: BGB. Band 12: Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 7. Aufl. C.H. Beck. 2018. Rn. 231. URL: <https://beck-online.beck.de> (accessed: 30.01.2019).
9. *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 698. Ziff. 13.20.
10. *Graeme B. Dinwoodie,* Developing a Private International Intellectual Property Law: The Demise of Territoriality? 51 Wm. & Mary L. Rev. 711 (2009). P. 735, 766. URL: <http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol51/iss2/12>.
11. Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn., 2008.
12. *Jeger G., Vasella D.* in: 1: Internationales Privatrecht/ Hrsg. Heinrich Honsell (Basler Kommentar). 3. Aufl. Basel, 2013. S. 926, 929.
13. Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. Oxford, 2013. P. 301, 305, 315.
14. *Neuhaus P.H.* Die Grundbegriffe des internationalen Privatrechts. Tübingen, 1976. S. 179.
15. *Troller A.* Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 51–52, 55, 56, 61–63, 67, 68.
16. *Ulmer E.* Die Immaterialgüterrechte im internationalen Privatrecht. Köln, 1975. S. 497.
17. *Wengler W.* Internationales Privatrecht. Berlin, New York, 1981. S. 262.

Сведения об авторе

КРУПКО Светлана Игоревна —

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KRUPKO Svetlana I. —

PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia